

Эдуард Лимонов

18+

Vol.

Эдуард Лимонов
Старик путешествует

«Individuum»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Лимонов Э. В.

Старик путешествует / Э. В. Лимонов — «Individuum»,
2020 — (Vol.)

ISBN 978-5-6043606-5-1

«Что в книге? Я собрал вместе куски пейзажей, ситуации, случившиеся со мной в последнее время, всплывшие из хаоса воспоминания и вот швыряю вам, мои наследники (а это кто угодно: зэки, работяги, иностранцы, гулящие девки, солдаты, полицейские, революционеры), я швыряю вам результаты». — Эдуард Лимонов «Старик путешествует» — последняя книга, написанная Эдуардом Лимоновым. По словам автора, в ее основе «яркие вспышки сознания», освещающие его детство, годы в Париже и Нью-Йорке, недавние поездки в Италию, Францию, Испанию, Монголию, Абхазию и другие страны. Книга публикуется в авторской редакции. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами русского языка. Снимок на обложке сделан фотоавтоматом для шенгенской визы в январе 2020 года, подпись — Эдуарда Лимонова. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6043606-5-1

© Лимонов Э. В., 2020
© Individuum, 2020

Содержание

Действующие лица книги «Старик путешествует»	7
СССР / Город Харьков / 1946 (?) год	8
СССР / Вета Волина	9
СССР / Людка	11
СССР / На крышах поездов	12
СССР / Что у нас пели	13
СССР / Что у нас пели – II	14
СССР / Смогисты / 1968 год	18
Россия / Москва / 2020 год	19
Россия / Москва / Окна во двор / 2020 год	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Лимонов Старик путешествует

© Эдуард Лимонов, 2020

© Individuum, 2020

Ну и намучился я с заглавием, как никогда.

В сознании возникло тёплое «старик», и я во что бы то ни стало хотел «старика» в заглавии. И пристроил-таки...

Что в книге? Я собрал вместе куски пейзажей, ситуации, случившиеся со мной в последнее время, всплывшие из хаоса воспоминания и вот швыряю вам, мои наследники (а это кто угодно: эки, работяги, иностранцы, гулящие девки, солдаты, полицейские, революционеры), я швыряю вам результаты. Получилось неплохо. Я хотел бы наткнуться и прочитать такую книгу в ранней юности – тогда бы я серьёзнее и глубже вглядывался во всё, что я замечал в жизни. Замечал бы глубже мохнатость зелени, её буйство, неистовые глаза животных и жажду свободы в глазах женщин.

Получилось совсем не плохо. Что-то я уловил. Чего я искал, перемещаясь из страны в страну, из Монголии в Paris? Помимо смерти, поскольку очевидно, что я искал смерти.

Становится очевидным, прочитав книгу: я хотел смахнуть со стола моего сознания прошлые ощущения, хотел полностью заменить себе сознание. Не совсем удалось. Иной раз – совсем не удалось. Прошлые ситуации и люди из моего прошлого всё же пробивались ко мне. Читая, вы увидите.

Однако я открыл вот что. Мне всё оказалось нужным. И монгольские пастухи-гаучо на мотоциклах, и дефиле устаревших французских войск на Champs-Élysée – всё оказалось нужным. Они смехотворны, эти войска, они устарели, как Франция.

И всё останется. И всё уже осталось.

Мы до сих пор сидим с тобой, Фифи, в допотопных глубинах ресторана Ma Bourgogne на Пляс де Вож – посмотри, мы же там сидим? И потребляем эскарго бургиньён. В тюрьмах я ел много каши.

Я хотел было расположить элементы книги в полном беспорядке. Не соблюдая ни хронологии, ни алфавита, не устанавливая никакой для них структуры. В моём сознании они же плавают как им заблагорассудится, хаотически. Но всё же кое-какой порядок навёл.

Сейчас вспомнил, как в Монголии лошади любят забираться неглубоко в пруд и стоят стайкой, кругом таким, голова к голове, как будто совещаются.

Автор

Действующие лица книги «Старик путешествует»

- Мёртвые, сотни их (в частности, из моих воспоминаний).
- Живые, тысячи их (в частности, сопровождавший меня отряд военных телекорреспондентов).
- Растения, насекомые (в Монголии 70 миллионов животных, крупного рогатого скота).
- Архитектурные сооружения (и обитаемые, и необитаемые).
- Леса, горы, реки, камни – возраст неизвестен.
- Состояние старика: то бодрое, то галлюцинаторное.

СССР / Город Харьков / 1946 (?) год

В детстве моим другом был маленький горбатенький Толик с веснушками на остром носу. Их семья называлась «чёрные». Они были беженцы с Кавказа, из Красной Поляны. Сам «чёрный» был печник, его жена называлась «чёрная», высокая женщина в платке, закрученном высоко на голове, – она была уборщицей. Подросток Любка (в ответ на что-то обидное, что она мне сказала, я вдруг неожиданно для самого себя выкрикнул ей: «Пиздорванка!» – и замолчал). Третий ребёнок называлась «ребёнок Надька».

Толик сам изготавливал из дерева и мелких железных пластин тележки и паровозики. В них мы и играли.

Потом мы все подросли. Любка стала красивой, Толик сделался злым. Моя мать грустно сказала: «Ему женщину хочется, а он лилипут и горбатенький». Я не был лилипут и горбатенький, но мне тоже хотелось женщину.

Так вот мы и жили. Кто ж знал, что через семьдесят лет я буду снимать квартиру в центре Москвы и жить один? Да никто.

Ваши предки, дети, жили в другом мире. Радиола пела: «Отчего, отчего, отчего гармонь поёт? / Оттого что ты идёшь по переулку». Там жили на первом прямо под нами семья «чёрных»: Толик, Любка, ребёнок Надька, сами Чёрные; две тётки Маруси: электрик дядя Саша Чепига, тётя Маруся № 1 и их сын Витька, тётя Маруся № 2, её муж дядя Ваня, их сын, не помню имени, – только детей пятеро и шестеро взрослых. Вот не помню, не то моя мать была влюблена в черноволосого дядю Ваню, не то он в неё, не то никто ни в кого не был влюблён и лишь возводилась напраслина.

СССР / Вета Волина

По виду её было видно, что она из высшей касты живых существ. Высокая, узкоплечая, носик с горбинкой. Длинноногая, быстро движущаяся, постепенно расширяющаяся к попе, она была выше меня. Гордо поставленная голова, длинная юбка.

Я с ней гулял. Мы гуляли в парке, вдоль которого шла трамвайная линия. В парке деревья ещё были небольшими, а за трамвайными колеями возвышался её дом – самый, по сути, высокий в посёлке, четырёхэтажный. Родители могли наблюдать её гуляющую. Родители её были какими-то начальниками. И отец, и мать. Ой, начальник, ключик-чайничек. Из окон её квартиры она была видна, гуляющая.

По-моему, я её целовал пару раз. А может, нет. Ещё у неё был брат. Кажется, старше её, а может, младше её, Вовка, он был толстый, и мы звали его Пуздро. В те годы толстых детей было немного.

Мы гуляли и умничали, как подобает подросткам. Обычно мы умничали в духе последней только что прочитанной книги. Ну, по мотивам.

Нет, её брат, по-моему, был младше её. Потому что мы расспрашивали его о ней. Но он не рассказывал. Вообще у них была семья, откуда ничего не доносилось.

Дом их стоял буквой «Г». У них была не то трёхкомнатная, не то четырёхкомнатная квартира на самом высоком четвёртом этаже.

В доме располагался продовольственный магазин, там вечно что-то разгружали во дворе в противнях, помню запах жареной рыбы.

Как туда затесался «Бомбей» – по воскресеньям там устраивали танцы, – понятия не имею; по всей вероятности, то, что мы считали «Бомбеем», в невыходные дни было какой-то комсомольской организацией.

Тогда говорили «ходить». Сколько я ходил с Волиной – ей-богу, не помню, скорее всего лишь весну. Как-то Володька (посему он, вероятно, всё-таки был младшим братом Веты) проговорился, что она и её подруги из десятого «Б» класса «ходят» со студентами. Я, учившийся в классе на год младше Волиной (её все так и звали – Волина), почувствовал себя малолеткой. Там у нас был у подростков всё же свой табель о рангах. В дополнение к возрастным категориям («ходить со студентами» – это уже была высшая возрастная категория, соответствующая девушке, а не девочке) была ещё категория «интересный», «интересная».

«Вета, безусловно, инте-есная девочка («р» она не произносила), – говорила мне “француженка” Лиза – репатриировавшись из Франции, семья осела у нас на Салтовском посёлке. – Но она не подходит тебе по возрасту, Эди». Лиза сама была интересная девочка, может быть, интереснее Веты. У них дома были на лампочках абажуры из географических карт, я ей поверил. Кто там с кем перестал встречаться, я с Волиной или она со мной, – не помню, но мы уже не гуляли вместе в парке вдоль трамвайной линии. Доходя до конца парка, мы обычно поворачивали обратно.

Родителей её я никогда не видел.

У этого четырёхэтажного здания, где жила Волина, был полукруглый угол. Если за него завернуть, то начиналась булыжником вымощенная унылая улица Поперечная. Весной и осенью её заливало грязью. Если пройти мимо двух женских общежитий (с колоннами!!!), то там почти в конце её жил я, стоял наш двухэтажный дом с двумя подъездами, немецкой постройки. Если от Веты Волиной на мою улицу не сворачивать, а пойти прямо, то асфальтовая тропинка вела в школу № 8, где все мы и учились. И вот выучились, выросли, прожили свои жизни, и мне даже неизвестно, жива ли она, Вета Волина, пожалуй, первая моя любовь, высокомерная, классом выше меня, и спокойная. Буржуазная в ту эпоху, когда ещё не было буржуазии.

Я пытаюсь вспомнить, как она выглядела тогда, – да нет, не Вета Волина, Лиза Вишневская, конфидант и товарищ.

Но ничего особо не вспоминаю. Очки, свет от лампы с абажуром из географической карты. Сигаретка в губах, блестящий носик, блестящие (нам казалось, что грязные) волосы, самодельные штаны, босые ноги.

Любви у нас тогда не получилось, какая там любовь у семиклассников, но мальчики и девочки посёлка несли ей свои проблемы.

Жили они на первом этаже – репатриированным, им дали трёхкомнатную квартиру. Кровати и кресла Вишневские сделали себе сами из досок.

Лиза давала мне книги и угощала «сухим», как тогда называли, вином. Какие книги? Помню, что эмигрантские книги и журналы, и там печатался некто Сирин.

Отец, мать, трое детей, имя младшей не помню. Арсен потом пошёл служить в Советскую армию. Пришёл оттуда перепуганный.

Репатрианты. Как каждая волевая девушка, Лиза обзавелась подчинёнными ей подружками.

Судьба её потом сложилась трагически. В 70-м она окликнула меня в Коктебеле: «Эдуар!»

Постаревшая и измученная, на меня смотрела Лиза Вишневская, тащила за собой ребёнка.

Мы пошли, сели на песке, и она рассказала. Всё время хотела уехать во Францию. Нашла себе француза, он работал главным инженером на шахте в Кемеровской области – по-моему, на шахте. Уже паковали вещи, должны были уезжать, в один из последних рабочих дней он погиб в шахте (или если я плохо помню, то его убили). Я попал во Францию, хотя и не стремился туда попасть в 1980 году.

В их компании была ещё одна девочка – пухлогубая Люда, так та вышла замуж за футболиста, и он её избивал. К Лизе все бегали за советом, а вот сама она себе совет дать не смогла, не выпуталась.

СССР / Людка

В него долго была влюблена Людка Найдич, высокая черноглазая и черноволосая девка с Тюренки. Людка ходила с ножом, лезвие выскакивало под давлением пружины. Одета она была летом в светлый сарафан в цветочек, из-под него торчали длинные ноги в трениках. Зимой – в мужском пальто поверх. Горбоносая, она жила на Тюренке и пользовалась авторитетом. Ребята и девки её слушались.

Не то они были одноклассники, не то она даже была старше его на пару лет.

Познакомились они довольно просто. При кинотеатре «Победа» был, как тогда говорили, кружок, рассчитанный на малолетних хулиганов, которые не уезжали на лето в пионерлагеря, а оставались в городе. Для них «Победа» устраивала экскурсии под руководством энергичной комсомолки. Как-то он довольно пьяный поехал с ребятами на экскурсию, и там к нему прилипла Людка. Домой они возвращались обнявшись на заднем сиденье автобуса, потягивая из бутылки портвейн.

С тех пор Людка всячески домогалась Эда, спрашивала ребят о нём у «Победы».

Он стеснялся Людки и в конце концов стал сбегать от её влюблённых глаз. «Смотри, Эд, она тебя зарежет!» – сказал ему одноклассник Витька Головашов – он сам погиб из-за девки, но много позже, окончив танковое училище и став майором. Его хромая Ванда изменяла ему с солдатами и офицерами полка, расквартированного в Казахстане. Так он покончил самоубийством.

Агрессивная, в присутствии Эда Людка становилась кроткой и только глядела на него с обожанием, хлопая ресницами чёрных глаз.

У Людки был брат, брат был поэт и жил в Ленинграде. Возможно, её пристрастие к Эду объяснялось отчасти братом-поэтом.

Короче, если Вета Волина была в его ранней жизни ангелом, то Людка, конечно же, демоном. А может быть, и наоборот, может, и наоборот.

Людка ему всё чаще снится. Стоят под кронами деревьев на другой стороне от площади у кинотеатра «Победа», и она его о чём-то уговаривает. За её спиной – её банда: девки, пацаны попеременно. Слушают...

А вот и знаменитый нож. Вынула. Сейчас будет им поигрывать...

СССР / На крышах поездов

Когда я был совсем молодым человеком, я часто путешествовал.

Вот как это выглядело. Приходишь на вокзал, намечаешь нужный тебе поезд (чаще всего идущий на юг), заходишь не с перрона, где посадка, а с противоположной стороны. Намечаешь подходящую тебе щель между вагонами (не все щели годились). Когда поезд трогается, вскакиваешь на ступени и затискаешься в эту щель. А потом устраиваешься поудобнее.

Лучше влезть наверх, положить ноги на следующий вагон – и едь себе. Тогда ещё были паровозы. Поэтому угольным дымом тебя в любом случае окатывает.

Сверху видишь, что не ты один путешествуешь. Поодиночке и стайками едут на вагонах мужики. На стыках вагонов.

Только нужно следить, чтоб на поворотах тебя не сдавило.

Да и в минусовую температуру далеко не уедешь. Однажды меня и моего друга Костяна, полуживых, уговорили сойти к ним в вагон сердобольные грузинские проводницы. А то б я не писал эти строки.

Чаем угостили. Они нас по тени увидели. День был солнечный, но ледяной. И наши тени на крыше были им из вагона видны.

На станциях, если большие, приходилось прыгивать. На больших менты иной раз, если не ленились, с тыльной стороны вагонов прохаживались. Но если ты на земле – «я не я, и хата не моя»: что я тут ходить не могу, что ли?

В Новороссийск, так я как к себе домой ездил. Мы там у моряков у порта иностранные сигареты в банках выменивали. Все морды от паровозов чёрные. Помню период, когда паровозы заменили тепловозами. А потом и электровозами. Путаница проводов появилась. Стало опасно.

СССР / Что у нас пели

Велосипед назывался «велик».

Фамилии соучеников, оканчивающиеся на «ко», – Савенко, Ситенко, Карпенко – ученики переделывали, отбрасывая «ко» и добавляя «ха»: Савеха, Ситёха, Карпёха... Впрочем, мрачного ученика Маркина так и называли – Маркин.

Пространство этажей было широкое как залы, многие ученики ходили в школу в самодельных галошах красного цвета.

Было такое впечатление, что галоши отливали прямо на валенках. Многие ходили в валенках и в штанах, называемых «лыжными». Весной и осенью вокруг школы разливались необъятные грязи. В грязях можно было увидеть галоши учеников. Запах жареного лука летел к школе от ближайших домов. И музыка от «Бомбея». Ну это уже не утром, а когда домой со школы.

Утром, давясь яичницами, ученики угрюмо шагали к школе. От неумеренно долгого сидения на партах брюки мальчиков и платья девочек лоснились на задницах. Позвоночники часто были искривлёнными.

СССР / Что у нас пели – II

Что у нас пели во дворах в конце пятидесятых – начале шестидесятых?

Спи, сыночек, спи, сыночек, бай-бай.
В этом виноват лишь месяц май.
Парень с девушкой в тумане,
Сердце девушки в обмане,
Спи, сыночек, крепче засыпай!

Это о межполовых отношениях. Молодая мать баюкает прижитого ребёнка.

Или пели «Красавицу Флориду».

В песне речь идёт о своеобразном соревновании трёх самых-самых девушек Мадрида:
«донья Клара, донья Рец и красавица Флорида».

По-моему, в роли арбитра выступал молодой и красивый нищий.

(Песни того времени, надо сказать, были заполнены героями – нищими беспризорниками, матросами, солдатами.)

Так вот, чтобы выиграть сердце молодого нищего:

Донья Клара подошла и дала ему реал...
А Флорида подошла и его поцеловала!

И с тех пор идет молва,
Что на улицах Мадрида
Есть красавица одна
И зовут её Флорида.

Пели эту песню и уносились в солнечный Мадрид.

А то ещё была «Из-за пары распущенных кос».

Начинается она так:

Из-за пары распущенных кос,
Что пленили своей красотой,
С оборванцем подрался матрос,
Подстрекаемый шумной толпой.

И... два тела, дрожа,
И сверкнули два острых ножа,
Предвещая отчаянный бой...
Оборванец был ловок и смел,
В его сердце горела любовь,
А матрос был его слабей,
С горла хлынула алая кровь...

И когда оборванец привстал,
Чтоб на жертву свою посмотреть,
В нём он брата родного узнал —
Много лет он его не видал.

И шумела-гудела толпа,
Словно грозного моря прибой.
Только звонко смеялась она,
Белокурой играя косой.

А, прелесть, а не песня!

А то вот ещё – я её называю «Расистская». О соперничестве армянина и грузина из-за девушки:

Девушка такой как Райский птичка
Армянина крепко полюбил,
За её красивый белый личка
Ей душа и сердце подарил.

Эх и братья вы мои, армяне,
Расскажу я вам один рассказ,
Как один мой друг из Еревани
Одному грузину выбил глаз.

Раз пришёл армян на танцплощадка,
Девушка со слёзом увидал,
Положил ей руку на лопатка
И такую слову ей сказал:

– Друг любезный, кто тебя обидел?
– Такой большой скандал я вовсе не предвидел.
– Ты покажи его, а я его поймаю,
– Клянусь душой армянской, рёбра поломаю...

Девушка отвечает:

– Меня один грузин, большой болван обидел...

Дальше помню кусками:

Душа армянский сжал кулак и размахнулся,
Душа грузинский испугался и пригнулся,
Кулак армянский в глаз грузинский окунулся...

Помню самый конец:

Так один грузин без глаза остался,

А армянин со своей девушкой прощался.
Теперь сидит он за решеткой, припухает.
Вот это, друзья мои, из-за любви бывает.
Вот это, друзья мои, из-за любви бывает.

Думаю, что «Расистскую» сочинили где-нибудь в Минводах.

Криминальных было немного, все они были суровые и тяжёлые. Какой там Круг, Круг – это эстрада в сравнении с тем зубовным скрежетом!

Начинается сурово:

Видно было, занавес качался,
Слышно было – муха пролетит.

Однако...

Вижу, нам защитник улыбается,
Из кармана вынув пистолет.
Вижу, нам судья переменяется,
Главный обвиняет на пять лет...

Матери от радости заплакали,
Даже улыбнулся нам конвой.
Что ж ты не пришла, голубоглазая,
И не попрощалась со мной?

И чуть далее называлась сквозь зубы и причина:

Говорят, что ты, голубоглазая,
Рестораны стала посещать...

Или известная, но пели её суровее:

По тундре, по железной дороге,
Где мчится курьерский Воркута – Ленинград,
Мы бежали с тобою, ожидая погони,
Ожидая погони и лая собак!

Погоня их настигла вскоре:

Дождик капал на рыло и на дуло нагана...

Мы попали в облаву,
Перед нами наганы,
ВОХРа нас окружила,
Нет другого пути.
Но они просчитались!
Мы облаву прорвали
И теперь вспоминаем
Минувшие дни!

Или вот, счастливое ворьё ворвалось в банк:

Ровные пачки советских червончиков
С полок глядели на нас...

Подростком я хотел стать самым большим бандитом СССР.

Я вспоминаю поющего, хрупкий сухой горбатенький носик, Толика Толмачёва – моего друга-вора, потом женившегося на цыганке Маше, – он пел мне все эти песни, и так я люблю тебя, Салтовка, мой родной посёлок!

СССР / Смогисты / 1968 год

Смогисты ушли на тот свет быстро. Уже к девяностым большей части из них не было на земле. Словно они желали остаться самым молодым обществом гениев. Навсегда.

Первым ушёл Сашка Величанский, некрасивый, но обаятельный талантливый парень, – кажется, у него был роман с Лизой Сергиенко. Сам чернобородый Сергиенко – муж Лизы – вроде знал и нёс это на себе. У Величанского было что-то с губой, он отслужил в армии. Даже вот вспомнил я стихотворение Величанского: «Сегодня возили гравий / И завтра возили гравий, / А девушки шлют фотографии / И службы проходит срок. / Вот завтра покончим с гравием / И будем возить песок...»

Смогистов, я думаю, изничтожила Москва. К середине девяностых большинство их перекочевало на тот свет. Я думаю, это Москва. Умер и разлагался летом 1983 года в квартире родителей в Кунцево их вождь Лёнька Губанов. Алейников спасся тем, что уехал тогда в украинский Коктебель. Где-то доживает свой век Саша Морозов. Чёрен, скалозубом, шутом где-то забился неведомо куда Слава Лён (Епишкин). Умер недавно чёрт его знает где Володя Буковский. Но тот давно уже и не был смогист. Так что вот, самое молодое общество гениев уничтожила Москва...

Помню, как мы бежали от ментов, задыхаясь, в том переулке, где Сандуновские бани. И сбежали. Забежали в дом, который восстанавливали. Там были какие-то канавы. Спрятались в канавах. По-моему, мы потом вышли на Трубную площадь. Я, Пахомов, Величанский. А познакомился я с ними в Доме литераторов, на семинаре Арсения Тарковского. Я там читал стихи, и они в меня влюбились, в мои стихи. Я ведь всех с самого начала ошарашивал.

Они были рождены, чтобы быть мальчишками, похулиганить, позубоскалить и свалить откуда пришли. Я был рождён, чтобы приподнять завесу. Меня предполагали на более длительное время.

Россия / Москва / 2020 год

Ну выставка, я пришёл, поскольку обещал автору «моей» скульптуры, изображающей меня, прийти.

Вдруг протолкался и оказался от меня, что называется, en front слегка выпивший, средней упитанности развязный господин без пиджака.

Ну выставка, проходят, толкаются, останавливаются.

– Помните Толю? – спрашивает.

Я: Какого Толю?

– Того, что с вами в «Новом Русском Слове» корректором работал в Нью-Йорке.

– Валентина Пруссакова.

– Ой, извините, он же Анатолевич, да, Валентина...

(Ну да, Валентин, насколько я помню, Анатолевич.)

– Так он же умер (я)

– Ну да, умер. Он о вас часто вспоминал.

Я о нём тоже. Знаете, общая молодость, мы сидим друг против друга за небольшим столом, работали корректорами. У него семья уже развалилась, у меня чуть позже развалилась.

(Ну выставка, проходят, толкаются, останавливаются послушать...)

Развязный и подвыпивший, этот тип вызвал во мне воспоминания.

1975-й, Нью-Йорк. Вот с длинным итальянским зонтом, в итальянских туфлях из разноцветной кожи пересекаю Нью-Йорк, мимо «Вулворт энд Вулко» универмагов, спешу на работу в газету. Обгоняя меня либо отставая от меня, спешат на свои работы обитатели Нью-Йорка. Свежо. Из coffee-shop'ов доносится запах кофе. Обычно Валентин уже на месте. Уже читает захватанные чёрными руками линотипистов оттиски.

Он в рубашке, украшенной узорами «огурцов», как я их называл. На нём всё те же бежевые брюки. Довольно поношенные. Когда он встаёт, бросается в глаза его объёмная задница.

Я тогда не знал, какой маршрут его заставит преодолеть жизнь. Он к тому времени преодолел часть этого маршрута. Уже был «сионистом» в СССР, уехал в Израиль, там не прижился, вырвался в Америку... Примкнув тогда ко мне, стал антиамериканцем...

Россия / Москва / Окна во двор / 2020 год

Человеки ходят, упакованные в одежду. У мужчин шапок больше нет. Их сменили не шляпы, но кепки. Пальто тоже нет. У молодёжи куртки, скорее короткие, потому что они не носят пиджаков. Книзу джинсы, как правило голубые, или просто две штанины штанов.

Женщины, если они не тучные, носят обтягивающие джинсы, тем подчёркивая свои яблочковидные или грушевидные зады.

Современная одежда скорее неприлична, если мерить её по послевоенным стандартам (я именно тогда обрёл «свет» – сознание), но она удобнее той, что была. Или кажется, что удобнее.

Та, что была, была просторной, но часто мятой и пыльной. Брючины мужчин были скорее грязны, поскольку в городах было больше природной пыли и грязи, а асфальта и бетона совсем мало. Сколько помню себя, я вычищал брючины своих брюк со щёткой, а до щётки отковыривал грязь ножом.

Сейчас одежда стоит копейки. Купил, поносил, выбросил. В моё время, если шили пальто, то на десяток лет как минимум. Костюмы носили чуть ли не поколениями.

Вот спокойно идёт, неся в правой руке сумку, мужчина лет тридцати. Он среднего роста, на нём полупальто, воротник поднят, его аллюр средний, он не торопится, но и не шагает медленно. Если у него есть жена, он должен её раздражать. А вот двое стариков шаркают, она с палочкой, он более бодр, но, возможно, он её сын.

Человеки достаточно скучны, у меня давно нет к ним интереса, поэтому я не хожу в гости, никого ни о чём не расспрашиваю, если спросят – коротко отвечу, но не более того. Я вообще не люблю разговаривать, у людей распространены придаточные истории, и слушать их у меня нет сил.

Я выдерживаю моих визитёров не более часа, потом выпроваживаю их. И с удовольствием погружаюсь в одиночество. Для начала гляжу в окно.

Идёт старушка с палочкой, с жёлтым пакетом (вероятно, супермаркета Billa) и в белом платочке. Никому не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.